

**Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria / отв. ред., сост. А. В. Смирнов, Н. А. Касавина, С. А. Никольский. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. — 540 с. (серия Humanitas)
ISBN 978-5-98712-371-3**

В книгу, посвященную осмыслению феномена цивилизации, включены фундаментальные работы известных философов (В. С. Степина, В. С. Библера, В. В. Библихина, Н. В. Мотрошиловой, А. П. Огурцова, А. С. Ахиезера и др.), внесших свой вклад в исследование проблемы, интерес к которой обусловлен актуализацией размышлений о судьбе цивилизации, культуры, общества в эпоху глобальных перемен. Так, работа Степина посвящена «типам цивилизационного развития», Библера — соотношению и различию между «цивилизацией и культурой», Библихина — философии права, Огурцова — методологическим различиям между типологией и эволюцией. Разнонаправленностью внимания к цивилизационному событию объясняется внимание исследователей к обсуждению планетарного характера общей динамики мирового исторического процесса и места в нем России. Осевой проблемой, объединяющей тексты, представленные в книге, является соотношение единства и своеобразия, уникального и универсального в становлении цивилизаций.

Уникальность книги состоит и в том, что философов представляют философы — их ученики, коллеги и друзья. Степина представляет И. Т. Касавин, Библера, Библихина и Огурцова — С. С. Неретина, Ахиезера — А. П. Давыдов, Мотрошилову — Ю. В. Синеокая.

В книге, помимо разнообразных методологических подходов к пониманию цивилизации, осуществлен анализ понятия «цивилизация» на разных уровнях (мировом, региональном, локальном), сделаны выводы и прогнозы о России как цивилизации, ее специфике и самоосознании в современном мире. Книга представляет интерес для исследователей и студентов, всех тех, кто интересуется процессами развития современной философии.

Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. — М.: ООО «Издательство «Согласие», 2022. — 594 с.

В новой монографии российского философа и культуролога О. А. Жуковой, профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), предметом анализа выступает феномен творчества, рассматриваемый в русской философской мысли, религиозной и художественной практиках. Взаимообусловленность религии, литературы и искусства, отмечаемая в древнерусской культуре, специфическим образом была наследована и переосмыслена в творческом опыте авторов светской культуры современного типа, способствуя формированию религиозно окрашенной традиции философствования с тяготением к проблемам бытия и познания, онтологической эстетики и этики, аксиологии творчества, метафизики истории. Теургический импульс русской культуры прочитывается в устремленности ее создателей к воплощению нравственных и эстетических ценностей в горизонте абсолютного, что находит яркое выражение как

в интеллектуально-творческом опыте, так и в борьбе за идеалы общественной жизни. В исследовании проблематизируется топика творчества в истории русской культуры, выявляются особенности идейных программ, религиозных и эстетических интуиций русских мыслителей и писателей второй половины XIX — первой половины XX века в многообразии жанров создаваемого ими художественно-философского дискурса. В книге автор продолжает развивать философскую концепцию идеолоцентричности русской культуры, тематизирующую характерный для отечественной культурной традиции способ спасения, или оправдания творчеством, снимающий противоречие между автономным разумом и религиозным опытом. Многие выдающиеся представители русской культуры пытались философски легитимировать и воплотить в творческой и социальной практике этот тип духовно-интеллектуального и эстетического гнозиса, достигающего предела в богопознании, а в истории — в идее созидания культуры и совершенствования человека, в общественном и национально-государственном строительстве. В монографии впервые предлагается оригинальная интерпретационная модель динамики русской культуры как интеллектуальной истории, персонализируемой опытами религиозного, философского и художественного творчества.

Книга состоит из Введения «Феномены творчества в религиозности и их концептуализация в философии русской культуры и истории», двух частей («Историческая динамика русской культуры: религиозные ценности, общественные идеалы и культурно-политические практики» и «Самосознание русской культуры: творчество и религиозность в художественной и философской традиции»), каждая из которых состоит соответственно из шести и семи глав, Заключение, Библиографии и Именного указателя. Каждая глава посвящена творчеству определенного писателя или философа, известного и менее известного: А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского; М. А. Стаховича, В. Ф. Эрн и В. А. Караулова; С. В. Панина и А. В. Тыпкова-Вильямса; П. Б. Струве, А. В. Головнина; Л. Н. Толстого. Н. А. Бердяева и Л. П. Карсавина; Б. К. Зайцева, О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака. Вот лишь некоторые темы книги: религиозно-творческие начала общественной жизни как проблема русской политической мысли, ценности русского Просвещения и практики общественного строительства, свобода мысли и университетская философия и др. Как считает О. А. Жукова, «наш философско-культурологический интерес... связан с созданием своего рода ментальной карты русской культуры, которая позволит репрезентировать культурную и интеллектуальную историю России как историю творческих прецедентов — в широком взаимодействии и смысловой взаимозаинтересованности ее авторов с другими культурами» (с. 509).

Издание адресовано специалистам в области истории русской мысли, метафизики творчества, эстетики, этики, студентам и аспирантам — широкому кругу читателей, интересующихся философией русской культуры, искусства и религии.

Седакова Ольга. И жизни новизна. Об искусстве, вере и обществе. — М.: Никея, 2022. — 528 с.

В новой книге поэта и мыслителя О. А. Седаковой мы встречаемся, как сообщает аннотация, «с вдохновляющим взглядом поэта на христианство». Книга состоит из предисловия, названного «Богословием открытого взгляда», написанного Максимом Калининым, и трех авторских разделов: «К богословию творчества», «Вера и общество», «Свидетели» и Дополнения — «СВЕТ ЖИЗНИ. Заметки о православном мировосприятии». Предисловие — рассказ о состоянии, в котором происходит «невидимая работа творчества» (с. 7), — это открытость. «Открыто смотреть на мир — это труд. А еще труднее поделиться этим опытом — не рассказать о нем, а поделиться так, чтобы другие могли тоже его пережить» (с. 7). Предисловие щедро воспроизводит стихи Седаковой, которые и являются «опытом открытого беспредпосылочного взгляда» на мир и творчество мира (с. 29).

Седакова пишет «о традиции свободного, автономного искусства», живущей по своим законам: один из них — «историчность личного творческого опыта» (с. 35), другой — «требование исходной непредвзятости художника, его безоружности перед своим предметом, который раскроется ему в ходе глубоко личного, интимного опыта» (с. 36). Поэзию Седакова определяет как *дело человека*, где дело понимается как «то, что делает человек» — и как «то, что делает человека» (с. 43). Впрочем, кажется, так можно сказать про любое дело, ибо речь идет о творении, а «творение как Воскресение». Седакова напоминает мысль Б. Пастернака: «Вот вы опасаетесь, воскреснете ли вы, а вы воскресли уже, когда родились, и этого не заметили» (с. 66).

В разделе «Свидетели» — слова о Владыке Антонии, митрополите Сурожском, Дитрихе Бонхёффере, Льве Толстом и Сергее Сергеевиче Аверинцеве, воспитавшем многих из нас, последних, помнящих его. Ольга Александровна считает, что «в академической гуманитарной науке к настоящему моменту присутствие Аверинцева очень мало ощутимо» (с. 389). Ибо современное, длящееся, впрочем, со времен Аверинцева, сознание, «бытовой ум, бытовое употребление понятий и слов, бытовые навыки умозаключения — привычный ужас, в котором мы живем, — это и есть по существу то, что называется “материалистическим мировоззрением”» (с. 414), от которого мы почему-то впопыхах и некритично отказались. Сама Ольга Александровна, говоря о современном восприятии мира, предлагает рассмотреть его через призму вкуса, «термин, который... покрывает и обыденную жизнь обычных людей, и сложную реальность светской культуры и искусства» — «то неуловимое, ускользающее от определений, но при этом мгновенно опознаваемое» «как бессознательное веры и ее интуиций» (с. 519).

Herring Catherine. Playing it by ear: potential as an improvisatory practice

<https://doi.org/10.1080/17449642.2023.2188727>

Херринг Кэтрин. Воспроизведение на слух: потенциал как импровизационная практика

В этой работе исследуется понятие потенциала через призму идей Ж. Делёза. Автор утверждает, что часто термин «потенциал» путают с термином «возможность». Работа

состоит из Введения и трех частей. Во Введении представлены общий взгляд на потенциал. Автор ставит вопрос, что значит фраза, известная в педагогической среде: «У них есть потенциал». Для учителей эта фраза является указанием на то, что ученик (-и) еще не достиг (-ли) ожидаемого результата, как правило, стандартного уровня, который учитель, в отличие от ученика, возможно, видит. Не исключено, что эта фраза есть способ сообщить родителям, что их отпрыск мог бы достичь более высоких результатов в учебе, если бы только они совместно вкладывали в дело больше энергии и усилий. Высказывание может, однако, быть просто эвфемизмом другого выражения: «мог бы добиться большего». Вопрос в том, должны ли понимать потенциал как некое определенное, наблюдаемое свойство — вроде темных волос или длинных пальцев. Потенциал — это фокус достижений, с его помощью формируются определения, лежащие в основе глобальной образовательной политики; само это представление потенциала нуждается в «разблокировании», о чем свидетельствуют призывы «зажечь», «получить доступ», «достичь», «раскрыть» и «найти» нечто скрытое.

Темой первой части «Делёз и образ мышления: понятие виртуальности у Делёза» является исследование языка и контекста, в которых обычно используется потенциал, чтобы выявить предпосылки, лежащие в основе этого способа представления о чем-то. Автор отмечает две особенности потенциала: 1) он представляется не столько неотъемлемой частью личности, сколько деятельностью, зависящей от интерпретации; 2) потенциал представляется открытым динамичным творческим процессом, действующим у тех, кто вовлечен в процесс признания, принятия и поощрения того, что в этот момент становится. Он — не фиксированная характеристика чьей-либо личности. В книге «Различия и повторения» (гл. 3) Делёз подвергает сомнению предпосылки, лежащие в основе общепринятых представлений о мышлении. Он утверждает, что в философии невозможно знать точку начала, поскольку невозможно отличить субъективные предпосылки от объективных: так, Декарт, например, не хочет определять человека как разумное животное, потому что такое определение очевидно предполагает использование понятий рациональности и животности. Представляя Cogito в качестве определения, он утверждает, что избегает всех тех объективных предпосылок, которые затрудняют процедуры, оперирующие родом и различием. Но он не избегает предпосылок другого рода — субъективных и имплицитных, содержащихся скорее во мнениях, чем в понятиях: предполагается, что каждый знает, независимо от концепций, что именно подразумевается под «я», мышлением и бытием. Декарт, утверждая, «Я мыслю, следовательно, я существую», предполагал общепринятую и неизменяемую концепцию «Я», «мыслю» и «существую». Это, утверждает Делёз, догматический или моральный образ мышления; образ, который зависит от модели идентичности, а не от версии различия, изложенной в первой и второй главах «Различия и повторения». Модель сводится к распознаванию, определяемому Делёзом как «гармоничное применение всех способностей к предполагаемому одному и тому же объекту», но проблема в том, что это распознавание зависит от «субъективного принципа сотрудничества способностей для "всех"». Рассматривая мысль таким образом, философия терпит неудачу в своих попытках вырваться из доксы, которая ее подрывает. Если считать, что образ мысли неизменен, то всегда будет существовать такая иерархия концептов, которая производится таким образом мыслей, и созданию концептов навсегда суждено стать

актом распознавания концептов, а то, что мы считаем актом мышления, на самом деле является актом узнавания. Узнавание вполне может занимать наши мысли, но это не значит, что мы думаем.

Во второй части «Потенциал как импровизационный процесс» речь идет о деятельности, позволяющей ощутить колебания между виртуальностью и актуализацией, — об импровизации, которая часто отождествляется с «придумыванием вещей на месте» — как бы без предварительного контекста и без учета необходимых навыков и опыта. Напоминая об этом, автор анализирует факторы, способствующие осуществлению импровизации (вкус, чувство, акустика, качество инструментов, состояние зала). Импровизация, осуществляемая в условиях, которые позволяют произведению быть актуализированным, есть своего рода виртуальная реальность, сосуществующая рядом с актуальной реальностью создаваемой музыки. Важно учитывать динамические взаимосвязи между виртуальными элементами (чувствами, прошлым опытом и т. д.) и реальными элементами (инструменты, пространство для выступления, время суток и т. д.), поскольку от этого зависит степень импровизации. Они могут быть ограничены, даже предвидены, в большей или меньшей степени, в зависимости от созданных структур. Эти структуры включают жанр, динамику исполнителей, эмоции на сцене, культурный контекст, и это лишь некоторые из них.

В третьей части «Потенциал и механизированная мысль» рассматриваются импровизация как способ реализации потенциала и способы изменения образовательной практики. Одним из способов такого изменения является переход к такому механизированному миру, который ориентирован на цифровые технологии. Автор считает этот проект «на удивление успешным». Его главным приоритетом является исключение несчастных случаев, регулярность и точность работы. Цифровой процесс никогда не бывает случайным, и на самом деле невозможно смоделировать случайный процесс. Скорее, цифровое является детерминированным. Каждая операция выполняется в соответствии с правилом, рассчитываемым заранее. Онлайн-класс — это не просто альтернатива «живому» школьному классу, как синтетические струны на клавиатуре не являются альтернативной версией скрипки. Онлайн-пространство само по себе является актуализацией. Виртуальное у Делёза — это место продуктивной случайности, встречи, которая пренебрегает предсказуемостью и дублированием, и то, что становится актуализированным, вступает в порождающие отношения с виртуальным.

Динамические силы, действующие в делёзовской виртуальности, — процесс раскрытия потенциала в импровизации — проявляются в цифровом мире. Цифровое пространство — это мир бессилия, потому что «каждый ввод был предвиден заранее, и каждый вывод является необходимым следствием некоторого ввода». В цифровом мире почти неизбежно принимать потенциальное за возможное. Но более того, его парадигма предсказуемости благоприятствует концепциям и способам мышления, которые имеют сходную структуру.